

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski w Katowicach

<http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>
Shlah leha Anashim (Пошли себе людеи):

Земля как ментальное состояние

SHLAH LEHA ANASHIM (POŚLIJ SOBIE LUDZI): ZIEMIA JAKO STAN MENTALNY

Streszczenie: Przedstawione w Torze (Pięcioksiągu Mojżesza) otrzymanie ziemi obiecanej rozpatrywane jest tu z pozycji następujących po sobie, a także wzajemnie poprzedzających się, koniecznych etapów związanych z przestrzeganiem równie koniecznych warunków. Na tej podstawie wyprowadzana jest struktura dziesięciu motywów poprzedzających wejście do ziemi Izraela wraz z objaśnieniem ich znaczenia i miejsca w ogólnej całości. Autor zwraca uwagę na to, co według Tory powinno warunkować możliwość uzyskania (otrzymania w spadku) ziemi – tj. stopień odpowiedniego jej uświadomienia. Druga część artykułu poświęcona jest typologicznej relacji pomiędzy dziesięcioma wyłonionymi motywami wraz z wyobrażeniami o niezwykłych, cudownych i odległych ziemiach w rosyjskiej tradycji ludowej, odzwierciedlonych w bajkach, legendach, opowieściach itp. Ponadto określane są typy narracji, które w różny sposób ukazują wyłonione motywy i niektóre związane z nimi tematyczne wyznaczniki ze szczególnym uwzględnieniem bożego daru i obfitości, trudności poszukiwań i przejścia oraz obdarzonego wyjątkowymi zdolnościami, wprowadzającego do ziemi obiecanej bohatera.

Słowa kluczowe: Tora, typologia, motywy, folklor, legendy, opowieści, bajki

SHLAH LEHA ANASHIM (SEND FORTH MEN FOR YOURSELF): THE LAND AS A MENTAL STATE

Summary: The acquisition of the Promised Land as presented in the Torah (the Pentateuch) is examined both in sequence and in its preceding stages, which are associated with the fulfillment of necessary conditions. On this basis, a structure of ten motifs preceding the entry into the Land of Israel is derived, along with an explanation of their meaning and significance within the general composition. Particular attention is paid to what, according to the Torah, determines the possibility of inheriting the land: a corresponding level of consciousness. The second part of the article is devoted to a typological correlation between these ten motifs and existing ideas of unusual, wondrous, and distant lands in Russian folk tradition – including fairy tales, legends, and oral histories. Three types of narratives are identified, each reflecting the derived motifs and related thematic determinants in different ways. Emphasis is placed on themes of grace and abundance, the hardships of the search and transition, and the hero endowed with exceptional abilities who introduces these realms.

Keywords: Torah, typology, motifs, folklore, Russian folklore, legends, tales, fairy tales

Процесс вхождения в землю Израиля, ибо об этом главным образом пойдет речь, можно начать со слов: «Пошли от себя людеи, чтобы они высмотрели (וַיִּתְרֶן) страну (אֶרֶץ) Кнаан, которую

Я даю сынам Израиля. По одному от отчего колена пошлите, каждого вождя (נָשִׂיבִים) из них»¹ (Бемидбар, 13: 2). И пословный перевод отрывка: «Пошли себе мужей и разведают землю Кенаана которую я даю сынам Исраэля одного мужа одного мужа для колена отцов их пошлите всякого знатного среди них»².

Вехами начинающегося процесса необходимо считать I. Обращение-призыв к ведущему исполнителю Воли (Моше), содержащий в себе а) то, что надо послать людей / мужей (действие направления от себя, но при этом, согласно с пословным переводом, себе), б) с тем, чтобы они высмотрели / разведали с) землю / страну, d) которую надлежит освоить (которую Я даю). Далее следует е) определение тех, кому поручается это задание (по одному мужу от каждого из колен, и при этом знатных / вождей). Моше исполняет сказанное. Характеризуются мужи, им отправленные и называемые поименно, числом 12, как «главы (רָאשֵׁי) сынов Исраэля».

Структура представленного выглядит следующим образом. Имеется тот, кто выступая посредником, передает исходящую волевою направленность (V), или ее проводник (T). Волевая направленность объявляет себя в виде условий ее исполнения (C), которые состоят из того, что надо послать (M) себе / от себя; из того, кого надо послать — знатных, глав родовых колен, их вождей (PG); с определением цели — разведать, или высмотреть (FE), землю / страну (TP). Ту землю-страну, в которую надо войти, поселиться в ней, сделать ее своей (S).

¹ По изданию: *Тора (Пятикнижие Моисеево)*, ред. рус. перевода П. Гиль, под общей ред. Г. Брановера, Шамир, Иерусалим 5753, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1993, с. 783.

² <https://www.imbf.org/bibliya-tanah/Nu/nu13.html> [дата обращения: 31.07.2025]. Существует небольшое количество переводов текста Писания, различия между которыми в ряде случаев могут иметь значение, хотя передать более или менее точно на русский язык то, что написано на древнееврейском, в лучшем случае представляется затруднительным, необходим основательный комментарий. Перед нами, с учетом выбранной темы, подобная задача не стояла. Приведем, в качестве пояснения, фрагмент из *Словаря ключевых терминов для читающих Тору на иврите* (Рав Аарон Штейман), опустив все остальное (https://toldot.com/articles/articles_26809.html [дата обращения: 31.07.2025]):

Шелах-леха – Отправь	שְׁלַח-לְךָ
посылать 2. простирать, протягивать 3. прогонять, отсылать	שָׁלַח [שְׁלֹחַ, שׁוֹלֵחַ, שְׁלִיחַ] פ"י
осматривать, обходить, объезжать 2. высматривать, ездить с познавательной или разведывательной целью	תּוֹרַר [תּוֹרָר, תּוֹרָה, תּוֹרָה] פ"י
Все эти мужи. Раши: Везде в Писании «мужи» означает «почтенные, достойные», и в тот момент были достойными.	כָּלֵם אַנְשִׁים

Покажем все это в виде формулы, или модели³, предполагающей освоение: $V > T[C: M > PG > FE > TP(S)]$. Модель трехчастна и состоит 1) из исполнителя воли, которому даются условия: $V > T(C)$; из группы условий, складывающейся из двух положений — 2) отправления с указанием тех, кого надо отправить: $M > PG$, и 3) цели определяемого действия: $FE > TP(S)$, во второй компонент которой, $TP(S)$, входит то, что это земля «которую Я даю», т.е. земля назначения — $TP(DS)$. А поскольку земля назначения, то получить ее необходимо. Однако, чтобы это достигнуть, следует, перед тем как в нее войти, разведать ее.

Обратимся к еще одному представлению — обещания в отношении земли. История начинается много раньше, с построения Вавилонской башни, когда «И была по всей земле речь одна и одни и те же слова. И случилось, когда двинулись они с востока, то нашли долину в стране [в земле] Шинар, и поселились там» (Брейшит, 11: 1–2). И решили выстроить «себе город и башню, главою до небес, и сделаем себе знаменье, чтобы не рассеялись мы по лицу всей земли. И сошел Бог посмотреть... И сказал Бог: «Ведь народ один и речь у всех одна, и это лишь начало их деяния... сойдем же и смешаем там речь их, чтобы один не понимал речь другого». И рассеял их Бог оттуда по всей земле» (11: 4–8).

В этом общеизвестном фрагменте (переводимом по-разному) обратим внимание только на два обстоятельства. Во-первых, на то, что единство земли для людей непосредственно связывается с языком (речью, словами) и народом, говорящим на нем, с их пониманием одним другого и следующего из этого совместного действия. А разделение и различие речи, с невозможностью взаимного понимания, ведет к рассеянию «по лицу всей земли» и появлению разных народов. И, во-вторых, на то, что уровень освоения земли предполагает, должен предполагать, соответствующий (для земли освоения) уровень осознания. Рассеяние от долины в стране Шинар осуществляется потому, что город и башню они начинают строить, чтобы сделать «себе знаменье», т.е. отметить себя, с тем «чтобы не рассеялись мы по лицу всей земли», «и это лишь начало их деяния. А теперь не будет для них ничего невозможного — что бы они ни вздумали делать» (11: 6). Не будет препятствия в совершении того, чего совершать, при таком понимании себя, земли, своей роли на ней, может, не следует. Ибо речь (язык),

³ Моделирующее, или формульное, представление, идея которого заключается в структурно-типологическом отображении, дается для иллюстрации. С тем чтобы не усложнять восприятия, остальной материал в формализованном виде передаваться не будет.

народ и земля составляют единство (духа, души и плоти), а все это предполагает сознание, которое, уравнивая и включая в себя все три составляющих, должно соответствовать, по уровню, его обладателям. При несоответствии должно наступить рассеяние, а тем самым, утрата земли.

Обращаясь к вопросу о рассеянии, или, если точнее, то отделении, отхождении от земли, следует вспомнить еще одну веку. После Вавилонского столпотворения называются (во второй раз) потомки Шема, сына Ноаха. Восьмым по счету колен становится Терах, отец Аврама (девятого). «И взял Терах Аврама, сына своего, и внука своего Лота, сына Гарана, и Сарай, невестку свою, жену сына своего Аврама, и вышли вместе из Ур-Касдима, чтобы идти в страну [в землю] Кнаан. И дошли они до Харана и поселились там. ...И умер Терах в Харане» (11: 31–32). Причина выхода из Ур-Касдима не называется, а до земли Кнаан Терах, отец Аврама, не доходит, однако движение начато. Умер Терах в Харане, что означает 'степь, место, сожженное солнцем', т.е. не благодатное.

Прерванное продвижение к земле продолжает себя в Авраме: «И сказал Бог Авраму: 'Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе'». Подстрочный перевод: «И сказал Суций Авраму иди себе с землей твоей и с родины твоей и из дома отца твоего на землю которую покажу тебе» (Берешит, 12: 1). В обоих случаях при *страна / земля* используется одно слово ארצה. «И вышли, чтобы идти в страну Кнаан. И прошел Аврам по стране этой земли до места Шхема, до Элон-Морэ — А кнаанеи уже были тогда в той стране. И явился Бог Авраму, и сказал: 'Потомству твоему отдам Я эту страну'» (Брейшит, 12: 5–7).

Тем самым, вхождению в землю Израиля (уже после Моше, в Иеһошуа), задолго до этого, предшествует 1) начавшееся и не закончившееся в Терахе продвижение к земле Кнаан из Ур-Касдима в Харан, где он умер. После чего 2) призыв к уходу и оставление земли твоей (Харана) с переходом «на землю которую покажу тебе»; 3) прибытие в эту землю; 4) прохождение по ней, с указанием того, что земля эта занята, поскольку ее «кнаанеи уже были тогда в той стране», и 5) обетование отдачи земли, но не Авраму, а потомкам его.

Важным в этом отмеченном представляется то, что Терах начинает движение и прерывает его, завершает Аврам, его сын. Но, завершая и проходя по земле, не получает ее, — землю получают потомки. Начавшееся продвижение Тераха не мотивировано, будучи вызвано каким-то толчком, это импульс предназначения. Движение Аврама производится вследствие

обращения-призыва — иди с земли твоей на землю, которую покажу. При том, что это земля твоя и у тебя есть место на ней, необходимо ее оставить, с тем чтобы не самому, но в потомках своих, получить другую, обетованную, которая, и это не менее важно, не свободна и будет такой же при ее получении.

Итак, имеется несколько видов ухода и обретения в отношении земли. Прежде всего, *р а с с е я н и е* (Вавилонская башня), которое предполагает уход с расхождением в разные стороны народа, первоначально единого, вследствие распада языка и следующего из этого взаимонепонимания, с образованием разных народов, с разными языками и в разных землях. Далее — оставление с переменной прежнего места, прежней земли, с переходом к другой, которая может при этом становиться своей. Перемена способна быть обусловлена (на примере Тераха) поиском лучшей, более благодатной, не «выжженной солнцем». Такое же, по внешнему проявлению, оставление с переменной, но не столько прежнего места и прежней земли, сколько земли своей, происходящее по призыву и обещанию (Аврам). Назовем это *п о л у ч е н и е м* в потомках земли указания. И об этой земле получения речь.

Прежде чем перейти к тому, что происходит после обращения-призыва к Моше (I), стоит обратить внимание на еще два связанных с продвижением по земле обстоятельства. Аврам оставляет место своего поселения, перемещаясь в Египет, чтобы «пожить там, ибо тяжел был голод в той стране» (Брейшит, 12: 10). Будет это временным оставлением земли с переходом в другую по причине неблагоприятных условий. После чего возвращается, к прежнему месту, «из Египта, он и жена его, и все, что у него, а с ним и Лот, в Негев. ...И шел он переходами из Негева до Бейт-Эля, до того места, где был его шатер вначале» (Брейшит, 13: 1, 3). Оба, Аврам и Лот, были богаты, «И не доставало им земли для совместного жительства, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе» (13: 6). Будет это еще одним видом передвижения по земле — *р а з д е л е н и е м*: «Аврам поселился в стране Кнаан, а Лот поселился в городах окрестности Иордана» (13: 12).

Земля становится достоянием Аврама, его самого и его потомков. Сопровождается это необходимостью видения ее в ее целостности и измеряющего (ногами) в хождении освоения: «А Бог сказал Авраму после отделения Лота от него: 'Подними глаза свои и посмотри с того места, на котором находишься, на север и на юг, на восток и на запад. Ибо всю страну, которую ты видишь, — тебе отдам ее и потомству твоему навеки...

Встань, пройди по этой стране, в длину ее и ширину, ибо тебе Я отдам ее» (Брейшит, 13: 14–15, 17). Объясняется также движение, начавшееся в отце Аврама Терахе, и его вместе с ним: «'Я – Бог, Который вывел тебя из Ур-Касдима, дабы дать тебе эту страну в наследие'» (15: 7).

Однако все не так просто и при этом не сразу, поскольку после египетского пленения — «Знай, что пришельцами будет потомство твое в чужой стране, и служить будут им, а те будут угнетать их четыреста лет» (15: 13), — «Четвертое же поколение возвратится сюда, ибо дотоле не полна еще виновность Эморей». (15: 16) Важным моментом в сказанном является также то, что возвращение и полное получение, — «И дам тебе и потомству твоему после тебя страну твоего пребывания, всю страну Кнаан, во владение вечное» (17: 8), — возможно только тогда, когда будет полна вина эмореев. До тех пор это страна твоего пребывания.

Землю, следовательно, в полное обладание ею, получают по воле Всевышнего и при соблюдении ряда условий: 1) необходимо для этого оставить прежнее место, независимо от того, свое оно, своего отчего дома, или не свое, а лишь страна пребывания, 2) войдя в нее либо находясь перед ней, следует ее осмотреть («Подними глаза свои и посмотри»), а также пройти по ней «в длину ее и ширину», 3) проживание на ней может быть связано с необходимостью временного ее оставления, с возвращением, которое может быть не продолжительным (Аврам) и значительно более длительным (на четыреста и более лет), 4) чтобы ее окончательно получить, должна быть полна вина тех, кто ее населяет. Итак, продвижение к ней, осматривание ее, прохождение по ней, возможность оставления ее (все это предварительные условия) и полнота вины на ней проживающих, как условие разрешающее, — полнота их вины предопределяет возможность полного овладения.

Вернемся теперь к началу. После I. Обращения-призыва к Моше следует II. Отправление — Моше посылает глав колен высмотреть землю Кнаан, с тем чтобы узнать, «какова она, и народ, живущий в ней, силен он или слаб, малочислен он или многочислен. ...хороша она или плоха, и в каких городах живет он, в открытых или укрепленных», а также, «тучна она или тоща, есть ли на ней деревья или нет», а в подтверждение «постарайтесь же и достаньте из плодов страны» (Бемидбар, 13: 18–20). Отправление с получением задания к высматриванию предполагает оценивающее определение самой земли, ее достоинств и ее плодородия, а также народа на ней, его силы и численности, их городов как мест проживания («в открытых

или укрепленных»). Пять параметров — два для земли («хороша она или плоха», «тучна она или тоща») и три в отношении народа на ней — сила, число, города. Подтверждением должны быть слова посылаемых, их отчет об увиденном, и плоды, принесенные ими.

«И возвратились они с осмотра страны через сорок дней» (13: 18). Земля хороша, сказали, «течет она молоком и медом» (27), и плоды ее хороши, «Но силен народ, живущий в этой стране, и города укрепленные, очень большие, также детей Анака [великанов] видели мы там» (28). «Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас» (31); «это страна, губящая своих жителей, и весь народ, который мы видели в ней, — люди-великаны» (32). Земля, сама по себе, благодатна и плодородна, но народов ее (их пять) не одолеть. Несмотря на призывы двух из двенадцати обозревавших, Калева и Йеиошуа, — «не бойтесь народа той страны, ведь они — пища для нас, ушло благословение их» (14: 9), т.е. вина их полна и время исполнилось, — сыны Израиля не послушали, решив к тому же тех двух забросать камнями.

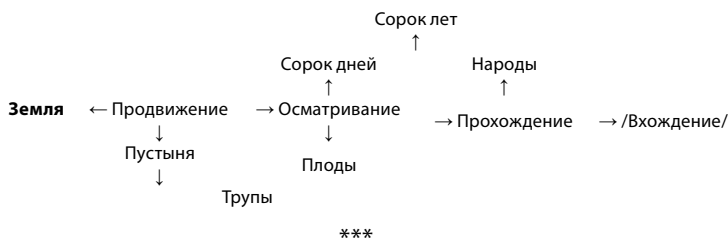
Опустим дальнейшее и общеизвестное, обратив внимание, в связи с выбранной нами задачей, на то, что не войдут они в землю, никто, кроме Калева и Йеиошуа, и только дети «узнают страну, которой вы пренебрегли» (31), но при этом «сыны ваши странствовать будут в пустыне сорок лет ...пока не истлеют трупы ваши в пустыне. По числу дней, в течение которых вы высматривали страну, сорок дней, по году за каждый день» (33–34).

Итак, трупы в пустыне и сама пустыня скитания, сорок лет, приравненных к сорока дням, и, что самое важное, — осознание и связанный с ним момент, время, когда возможным и необходимым становится исполнение. Отсутствие понимания этого и не просто сомнение, а вопль, ропот, недовольство и страх, порождающий возмущение и желание истребить тех, кто не сомневается, зная, что время пришло, кто имеет уровень необходимого осознания, — это определяет для них невозможность вхождения в землю, с тем чтобы ей обладать.

Наметим теперь мотивы, которые будут предметом дальнейшего рассуждения, до того, как к нему перейти. Прежде всего, **Земля**, текущая молоком и медом, благодатная и плодородная, как цель устремления к ней. Для не просто вхождения в нее, но ее освоения и обладания ею, необходим соответствующий уровень подготовленности, ментального состояния, равноценный земле. Земля становится целью, достижение которой предполагает, помимо усилий, определенный уровень осознания. Обозначим это в соотношении 'Земля

(благодати) ← Цель обретения ← (Достижение = Ментальный уровень соответствия)'.
 Далее следует **Продвижение** к ней, допускающее различные упомянутые перед тем положения, связанные с поэтапностью в совершающих, когда не один (Терах — Аврам) и не сразу (Аврам и потомство его), с возможностью оставления и возвращения и т.п. Продвижение с приближением, а также вхождением или нет, предполагает **Осматривание**, смысл которого состоит в оценивающем определении соответствия виденного существующему в сознании представлению о 'Земле благодати'. Дополнительными условиями мотива может быть осматривание достойными и для общества значимыми (знатные, главы рода, вожди), а также время (в течение **Сорока дней**) и **Плоды**, которыми следует отметить свидетельство. Затем идет **Прохождение** по земле, которое может сочетаться по смыслу с осматриванием и иметь также целью 'ногами отмеривающее' освоение, физическое приобщение к земле, вхождение в нее, с осознанием и объявлением (может быть, внутренним) своих прав. Немаловажным мотивом являются также **Народы** земли, с позиции их опасности и возможности одолеть либо с ними сосуществовать без боязни. И еще один мотив составляют **Пустыня** и **Трупы** на ней до земли не дошедших, то ли стремившихся к ней, то ли во исполнение наказания. Первое (пустыня) не обязательно связано со вторым (трупы), — пустыня или пространство, функционально подобное ей, может себя проявлять, как то, что следует преодолеть, как то, что обуславливает длительность, сложность и трудности перехода, но также как то, что отмечено гибелью, смертью, блужданием по нему, с возможным необретением выхода.

В соотношениях это видится следующим образом (последний мотив — Вхождение, не рассматривался, представляя отдельный и поздний вопрос⁴):

⁴ Об этом книга *Иешошу* (Невиим — Пророки), после Пятикнижия Моисеева (Брейшит, Шмот, Ваикра, Бемидбар и Дварим).

Обратимся теперь к материалу, который следует воспринимать как подобный, не с точки зрения воздействия того, что представлено в Торе (данное положение не исключено, однако не это предмет рассуждений), а в отношении типологическом. Сходство будем определять, исходя из мотивов, которые, будучи организованы в своих соотношениях в том, что было описано, могут иметь в другом материале либо иначе организованный, либо не организованный и лишь возникающий вид.

В *Сказании о роскошном житие и веселье* (XVII век) описывается веселая и беззаботная жизнь. Появляется мотив земли, где-то, неизвестно где, как поместья:

«Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малый». Земля та полна изобилия в окружении водных, горных, полевых, лесных и садовых пространств: «И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избранных, озер сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных. Там по полям пажити видети скотопитательных пшениц и жить различных; изобилны по лугам травы зелаянция, и разноцветуци цветов сличных, прекрасных и благовонных несказанно. По лесам древес — кедров, кипарисов, поль лимонов, орехов, виноградов, яблонь и груш и вишень и всякаго плодного маслича — zelo много; и толико премного и плодовито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне служат, преклоняя своя вершины и развевая своя ветви, пресладкия своя плоды объявляя».

Мотив беззаботной и сладкой жизни в земле, полной чудес и всевозможных плодов, с изображением, соотносимым с осма-триванием, связывается с необходимостью продвижения к ней:

А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мазавшу, оттуда на Ригу и Ливлянды, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стекло-ню и на Корелу, оттуда к Юрьеву и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкаской, в Чигарин и Кафимской. А ково перевезут Дунай, тот домой не думай⁵ ... А там хто побывает, тот таких раскошей век свой не забывает⁶.

⁵ Тема не оригинальна и может быть представляема как бродячий сюжет, различаясь деталями. Ср. «Ужъ это географическое окончание шутки показывает, что она перешла въ Россію изъ Польши, гдѣ она извѣстна въ прозаическихъ и стихотворныхъ редакціяхъ и часто носитъ заглавіе 'Kraj Króla Goździka'. Поляки заимствовали ее изъ Западной Европы, гдѣ она тоже до сихъ поръ весьма популярна. Ближайшимъ образцомъ для польской шутки служилъ нѣмецкій рассказъ о 'Schlauffenland' и французскій о 'Pays de Coquaigne'; но какъ въ польской, такъ и въ русской редакціи заимствование почти исключительно ограничивается идеей, подробности же въ описаніи счастливой страны измѣняются сообразно народнымъ вкусамъ» (И.Л. [И.Л. Лось], *Vesenie* // Энциклопедическій словарь, т. VI, Венцано – Виона, издатели: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ, Типо-Литографія И.А. Ефрона, С.-Петербургъ 1894, с. 96)

⁶ *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 16, XVII век, под. ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко, Наука, Санкт-Петербург 2010, с. 663.

Не по пустыне и без смертей, без трупов, в шутовском изображении дальних и южных стран (за Дунаем). Нет мотива также сорока дней и лет, а среди роскоши, медового, винного, пивного и прочего изобилия, отсутствует представление о народах, связанных с ними опасностях и необходимости их одоления. Не предполагается также вхождения с необходимостью проводника, хотя есть акт чьей-то воли и получения по достоинству и заслугам, поскольку *добры и честны дворянин пожалован* был этим помещицом.

В немецком тексте *Das Märchen vom Schlauraffenland*⁷ (упомянутом в примечании), начинающимся словами «In der Schlauraffenzeit, da ging ich und sah... / Во время хитрых обезьян [т.е. в небывалое время] вот куда пошел я и видел...», описывается страна хитрых обезьян, такая же небывалая, но не перевернутая, а необъяснимо абсурдная, где на глазах увидевшего (мотив осматривания) происходят невероятные вещи: (видел) безногого, который обогнал быстрого коня (ein fußloser Mann, der überlief ein schnelles Pferd), острейший меч, который разрубил мост (ein bitterscharfes Schwert, das durchhieb eine Brücke), старую тощую козу, тащила на себе сто бочек смальца и шестьдесят бочек соли (eine alte dürre Geiß, trug wohl hundert Fuder Schmalzes an ihrem Leibe und sechzig Fuder Salzes), плуг пахал без коня и быка (zackern einen Pflug ohne Roß und Rinder), годовалый ребенок бросил четыре мельничных жернова из Регенсбурга до Трира, а из Трира в Страсбург (ein jähriges Kind warf vier Mühlensteine von Regensburg bis nach Trier und von Trier hinein in Straßburg), ястреб плыл через Рейн (ein Habicht schwamm über den Rhein) и многое прочее. Однако не это для нас важно, а то, что на липе растут горячие лепешки (eine Linde, auf der wuchsen heiße Fladen, мотив плодов), сладкий мед, как вода, струился из глубокой долины на высокую гору (ein süßer Honig floß wie Wasser voll einem tiefen Tal auf einen hohen Berg, мотив земли, текущей молоком и медом).

В русских народных сказках есть сюжет, определяемый как «Страна обетованная: человек рассказывает, что побывал там, где протекает речка молочная, берега кисельные, стоит церковь из блинов сложенная, калачиком подперта и т.п.»⁸. Приведем фрагменты из таких сказок, обратив внимание на

⁷ Цит. по изд. *Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen*, Philipp Reclam jun. GmbH & Co, Stuttgart 1997, N 158, s. 687–688.

⁸ (1932=AA 1930) *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград 1979, с. 378.

рассматриваемые нами мотивы. «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича»⁹ (Три царства — медное, серебряное и золотое). Время давнее и необычное, как и в немецком тексте, мир тогда был другой, а в нем еда под ногами (мотив земли с плодами и изобилием, текущей молоком и медом, в русских повествованиях — киселем, с тем же, что и в немецком тексте, — только руку протяни, чтоб достать, жареные куропатки по полям летают).

Молочная река с кисельными берегами встречается в сказке, где все не так, необычно, невероятно, подобно немецкому Schlaraffenland:

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру молодцу, в лобок. Тут я, добрый молодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужлица. Встал я, добрый молодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. ... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задернуты. ... Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. ... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить!¹⁰ (*Не любо — не слушай*).

Герой попадает в место, где все не по-нашему, после того, как «трои сутки пролежал» и никто его «не знал, не видал», т.е. не помнит, не знает, как там оказался, а тем более где это. Мотив такой же, как в предыдущем сюжете, — необычная страна полна изобилия, река в ней из молока, берега из киселя, церковь и то, что в ней, состоит из съедобного, а по берегу ходит бык печеный. Все готово, перед глазами и под рукой.

Молочная речка, кисельные берега встречается в известной сказке *Гуси-лебеди*, отмечая последнюю, третью, границу миров перед тем, что за темным лесом (до этого печка и яблонь). Сестрица бежит в поисках брата, унесенного гусями-лебедями

⁹ *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах*, изд. подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков, Наука, Москва 1984, т. I, № 130, с. 195.

¹⁰ *Народные русские сказки*. ..., Москва 1985, т. III, № 425, с. 153.

к бабе-яге, и эта речка, оказывается у нее на дороге. Чтобы узнать от нее, говорящей, о братце («Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?»), должна она это съесть («Съешь моего простого киселика с молоком, скажу»). Сестрица отказывается («О, у моего батюшки и сливочки не едятся!») и дороги от речки не узнаёт¹¹. Это еще одно представление о том, что нездешнее, потустороннее и отмеченное, как граница, молочной рекой с кисельными берегами (мотив земли, текущей молоком и медом). Все остальное своего отражения не находит.

В одном из вариантов сказки *Поющее дерево и птица-говорунья* (№ 288–289) встречается объяснение того, как появились кисель с молоком и что их появление было чудесным. После того как баба-яга, вызвавшись «быть повивальной бабкою, оборотила царевичей волчатами, а взамен их подложила простого крестьянского мальчика. Царь рассердился на жену... и велел посадить её вместе с ребенком в бочку и пустить на синё море. Бочка пристаёт к пустынному берегу и разваливается; царица выходит с подкидышем на сухое место и молит бога, чтобы даровал им хлеб насущный. Господь услышал молитву и превратил песок в кисель, воду в молоко; тем они и питались»¹².

Имеются и другие сюжеты с необычными, заморскими, странами, где все не по-нашему и можно увидеть различные чудеса. Отметить следует, исходя из поставленной темы, мотив нездешней земли, с ее плодами, молочной рекой с кисельными берегами, мотив не столько вхождения в нее, сколько того, что за морем, лесом, в лесу, преодолев границу, можно там оказаться. Встречается также, представляемый в перечислении виденного, мотив осматривания — дивования, как свидетельства.

В русской народной традиции имеется еще один круг повествований о необычных землях — легенд, сказаний, хождений, к далеким, благодатным и изобильным местам, отмеченным святостью, где царят справедливость и мир. Места эти становятся предметом поиска и устремления к ним (мотив продвижения), путь к ним долог, часто связан с численным представлением (сорок дней, сорок лет), предполагает исполненный трудностей и испытаний переход по безлюдным, лесным, водным, степным бесконечным пространствам (мотив пустыни — как тяжелого и изнуряющего движения по ней и как того, что собой отделяет, требуя пересечения и доведения пути до

¹¹ *Народные русские сказки...*, т. I, № 113, с. 148.

¹² *Народные русские сказки...*, т. III, с. 443.

конца). Опасность связывается также с тем, что можно туда не дойти, поскольку не каждому это дано и не каждый достоин (мотив избранничества, ср. главы родов, знатные мужи, посылаемые Моше) и путь отмечается смертью (мотив трупов в пустыне). Встречается также мотив проводничества (Иеһошуа, вводящий народ в землю Израиля) и связанный прямо и косвенно с ним, но, скорее, не мотив, а тематический показатель, необходимого уровня осознания, интерпретируемого как праведность, святость, духовность, безгрешность — того, кто достоин войти в эту землю и, в первую очередь, оказавшись там, в ней пребывать, поскольку то и другое не обязательно совпадают, можно войти, но не быть удостоенным оставаться. Это последнее может быть связано с возвращением к прежнему состоянию и обычной, брэнной и грешной, земле с ее жизнью, полной трудов, скорбей и несчастий.

Представления этих земель касаются прежде всего легенды о Беловодье, в различных ее вариантах¹³, с длительным переходом к нему в поисках Опо́ньского царства (XIX век и раньше), города Игната у казаков-некрасовцев, мифически-сказочного, но полагаемого как существующий¹⁴ (XVII–XVIII вв., вплоть до середины XX века), а также менее известных легенд XIX века о реке Дарье¹⁵, об Анапе¹⁶, о «новых островах», куда нужно плыть шесть тысяч верст, где царь добрый, а климат теплый

¹³ «В настоящий момент известно одиннадцать списков 'Путешественника' [отображающего путь к Беловодью – П.Ч.]. Выявленные в архивных и печатных источниках и собранные воедино, они были систематизированы по трем редакциям и введены в научный оборот К.В. Чистовым». К.В. Чистов, *Легенда о Беловодье*, «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. 35, *Вопросы литературы и народного творчества*, Петрозаводск 1962, с. 134–140; К.В. Чистов, *Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд)*, «Дмитрий Буланин», Санкт-Петербург 2003. Цит. по: Н.А. Криничная, *Русская мифология. Мир образов фольклора*, Академический Проект; Гаудеамус, Москва 2004, с. 828.

¹⁴ Ф.В. Тумилевич, *Предания о городе Игната и их источники* (1963 г.), *Казаки-некрасовцы: язык, история, культура*, сборн. науч. статей, отв. ред. Г.Г. Матишов, Ростов-на-Дону, изд-во Южного научного центра РАН, 2012, с. 73–105; *Русские народные сказки казаков-некрасовцев*, собр. Ф.В. Тумилевичем, Рост. кн. изд-во, Ростов-на-Дону 1958; Ф.В. Тумилевич, *Сказки и предания казаков-некрасовцев*, Рост. кн. изд-во, Ростов-на-Дону 1961.

¹⁵ «... в 1820–1850-х годах в некоторых приволжских, а частично, вероятно, и центральных губерниях бытовали легенды о «реке Дарье», на которую будто бы ушла группа крестьян и живет там вольно». (К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, <https://avidreaders.ru/read-book/russkaya-narodnaya-utopiya-genezis-i-funkcii.html>), с. 227 [дата обращения 31.07.2025]), в реке той (мотив плоды) «осетровъ руками ловять, и на берегахъ . . . растутъ всякаго рода хлѣбъ и овощи на земль не паханной, не бороненной и не засѣянной» (П.И. Мельниковъ, *Отчетъ о современном состояніи раскола по Нижегородской губерніи*, ч. 1, 1854 года // Сборникъ въ память П.И. Мельникова (Андрея Печерскаго), т. IX, Изд. Нижегородской Архивной Комиссіи, Нижній-Новгород 1910, с. 237, прим. 2).

¹⁶ «фантастический край изобилия и воли. . . «Анапа» мыслилась как область на краю света, за пределами государства» (К.В. Чистов, *Русская народная утопия. . .*, с. 231).

и водится всякая всячина¹⁷, об Ореховой земле, о которой «Сказывали старые люди: из наших краев ходили ...да не дошли ...за морями, за горами, за синими лесами ...растут в ней орехи в человеческую голову, расколешь орех, а в нем мука. Ни сеять, ни пахать, ни жать не надо, потому сколько угодно таких орехов, прямо леса немислимые»¹⁸. «...легенд о 'далеких землях' ...в XVII–XIX вв. существовало по крайней мере десять–двенадцать»¹⁹.

Рассмотрим фрагменты двух, наиболее полно отображенных в источниках представлений — легенды о Беловодье и сказания о городе Игната. Первая известна из «Путешественника» Марка Топозерского, опубликованного в *Очерках поповщины* П.И. Мельникова (Андрея Печерского)²⁰. Дается все это как свидетельство очевидца: «Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ, Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ». Определяется путь (мотив продвижения), в конечной точке которого следует обратиться к проводнику: «Маршрутъ, сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернумъ деревню, на Избенскъ, вверхъ по рѣкъ Катуни на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросить страннопріимца Петра Кириллова». После чего возникает нечто подобное мотиву пустыни, если понимать это как описание безлюдных пространств: «Около ихъ пещерь множество тайныхъ, и мало подалъ отъ нихъ снѣговья горы распространяются на триста верстъ, и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ». И еще один проводник: «За оными горами деревня Умьменска (по другому списку, Устьменска) и въ ней часовня; инокъ, схимникъ Юсифъ». Путь продолжается, вновь появляется тема пустыни, на сей раз настоящей (Гоби – Губань), и мотив сорока (сорока четырех²¹) дней перехода: «Отъ нихъ

¹⁷ *Провинциальный корреспондент. Токмак (Семиреченской области)*, «Восточное обозрение» 1888, 10 апр., № 14, с. 8. Цит. по: К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, с. 232.

¹⁸ А. Воронский, *За живой и мертвой водой*, «Новый мир» 1928, № 12, с. 169.

¹⁹ К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, с. 233.

²⁰ П.И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), *Очерки поповщины*, ч. 1 // *Полное собрание сочинений*, т. XIII, изд. М.О. Вольфъ, С.-Петербург, Москва 1898, с. 33–34, прим. 2. Существуют также другие издания этого повествования, см. об этом: К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, с. 188.

²¹ «... («сорок») символизирует сферу реального, а точнее, условно реального, пространства, а («четыре») — сферу некоего иного, надо полагать, выходящего за пределы земного континуума... ядром этой числовой модели... служит... цифра «4». В известном смысле она является кодовой. Именно эта цифра символизирует соотношенность дальнейшего продвижения с четырьмя сторонами света, с четырьмя главными направлениями, определяет ориентацию во Вселенной, в мировом универсуме» [В.Н. Топоров, *Числа* // Мифы народов мира в 2 томах, гл. ред. С.А. Токарев,

есть проходить Китайскимъ государствомъ, 44 дня ходу, чрезъ Губань (Гоби?) потомъ въ Опоньское государство».

Место сие труднодоступно, поскольку «Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря, называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ исчислѣть невозможно». И снова значимые числа — семьдесят и пятьсот, но в другом отношении, чем сорок, поскольку не времени передвижения, а пространства и универса²².

Не каждый удостоен пребывания в Беловодье, — мотив отмеченности, избранности, связываемый с верой в то, что истинно, с благочестием и чистотой: «О тамошнемъ же пребываніи онаго народу извѣщено хриstopодражателѣмъ древляго благочестія святія соборныя и апостольскія церкви. ... Въ восточныхъ странахъ ...искали древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію». И вновь мотив трудного пути и окружающих народов: «Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу отправлялась ко раблямъ Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ». Тема отмеченности и святости: «Богъ наполняетъ сие мѣсто. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи пріимаютъ первымъ чиномъ; крестятъ совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголютъ они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ челоувѣки и не прикасайтесь имъ». Место это чисто от несправедливости, злокозненности и неправды: «Въ тамошнихъ мѣстахъ тѣбѣ и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти». Мотив земли совершенства, полноты и изобилия с плодами: «Тамо древа равны

Советская энциклопедия, Москва, т. 2, 1988, с. 630]. Вместе с тем сорок дней в обрядах и верованиях — это лиминальный период, в течение которого совершается переход из одного качественного состояния в другое» (Н.А. Криничная, *Русская мифология...*, с. 845).

²² Для чисел пять, семь и сто, лежащих в основе, ср. объяснения: «Из учения об элементах следуют две особенности. Одна из них состоит в канонизации числа пять, ставшего эталоном описания наиболее важных характеристик макро- и микрокосма... Отмеченность пятого места в пространстве связана с особым положением центра» (с позиции четырех сторон света и четырех направлений); «число 7... характеризует общую идею вселенной. В некоторых культурно-языковых традициях... выступает... как наиболее употребительное число, характеризующее почти универсально всё, что исчисляется в мифопоэтическом космосе» (В.Н. Топоров, *Числа...*, с. 629, 630). «Число сто часто имеет не точное, а обобщенное значение большого количества» (С.М. Толстая, *Число // Славянские древности, Этнолингвистический словарь*, т. 5, отв. ред. С.М. Толстая, Международные отношения, Москва 2012, с. 546).

съ высочайшими древами. ...И всякіе земные плоды бывають; родится виноградъ и сорочинское пшено. ...злата и серебра нѣсть числа, драгоценнаго каменія и бисера драгого весьма много». Место это закрыто для других и без войн, далекое и отдаленное: «А оные опонцы въ землю свою никого не пуцають, и войны ни съ кѣмъ не имѣють: отдаленная ихъ страна».

Сказочный город Игната²³ описывается следующим образом: «Город у них обнесен стеной каменной, а округ города ни туркох, ни мухаджир [мусульмане, переселенцы с Кавказа], ни грекох нет. Земли хорошие, лесох много. Город стоит на берегу моря. Казаки рыбалят, занимаются шелками, ходят на охоту, сады у каждого, и нет у них ни бедных, ни сирот, ни хворых. Климат дюже подходящий для человека»²⁴. Можно заметить мотив благодатной земли процветания и мотив народов, которых, при перечислении, нет, а также мотив плодов: «...дома стоят большие, красивые, кругом сады. В садах разные фрукты: инжир, виноград, гранаты, яблоки, сливы. Да такие сладкие! Везде на домах золото, серебро»²⁵.

Есть и мотив пустыни: «Живут они за Пещаным морем», а также мотив отмеченности, избранности, доброты, справедливости и при этом закрытости для других, в первую очередь, недостойных: «Кто едет, они того накормят, напоят. Кому надо подковать коня, колесо исправить — все сделают, а в город свой никого не пускают»²⁶. «В город свой те люди мужчин не принимают и не пускают, а женщин принимают»; «лихих да потерянных людей в город не пускают». И при этом «Тут все живут такие, как вы, обиженные»²⁷.

Идеализированно представляется атаман этого города (мотив вождя, главы, избранного из народа), описываясь как «рослый, статный, натоптанный [упитанный], борода у него черная, глаза горят, губы как рубен, зубы белее зеньчуга»²⁸. Вместе с тем города того уже и нет (мотив отдаленного прошлого и связанной с ним легендарности, мифологичности), казаки,

²³ «В XVIII век уходит своими корнями весьма своеобразная легенда о 'городе Игната', окончательно сформировавшаяся в среде казаков-некрасовцев, по-видимому, только в XIX в. Легенда имела относительно ограниченное распространение и дошла до нас в форме цикла исторических преданий, записанных в то время, когда вера в существование 'города' уже была утрачена» (К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, с. 220).

²⁴ Ф.В. Тумилевич, *Сказки и предания казаков-некрасовцев...*, с. 187.

²⁵ Там же, с. 57.

²⁶ Там же, с. 194.

²⁷ Там же, с. 57.

²⁸ *Русские народные сказки казаков-некрасовцев...*, с. 204.

ушедшие за Пещаное море, «все поумирали»²⁹, по другой версии его жителей «вырезали разбойники»³⁰.

Основатель города, Игнат Некрасов, представлен как герой, наделенный сверхъестественными способностями (мотив вождя и вводящего в землю, объединяющий в себе черты Моше и Иешуа). «Он вывел казаков из России и спас их, тем самым, от верной гибели, дал им землю в Турции; все общинные установления называются 'заветами Игната', летопись, которую вели некрасовцы, считалась 'книгой Игната', преступников наказывали волей Игната, общественная помощь бедным считалась 'даром Игната' и т.д. Сам Игнат необыкновенно силен, статен, красив... находчив, непреклонно справедлив... у него от рождения два ряда зубов, он большую тайную силу имел, волшебником был, мог превратиться в кого захочет. Знал он язык всех птиц, зверей, деревьев. ...умеет стать невидимым»³¹, у него чудесный корабль — «посадит свое войско и поплывет хоть по морю, хоть по земле! А корабль Игната турка видеть не мог. На тот корабль можно было посадить всех некрасовцев, погрузить все богатство»³². Он победил змею, которая преследовала некрасовцев ...добыл чудесный рубин («рубень»), в который можно было видеть все, что делается на Майносе, разбросал вокруг своего города разноцветные зерна и из них выросли лес, сады, цветы³³ и т.д. Логическим завершением этой идеализации была вера в то, что он жив и построил чудесный город, в котором реализовались все социальные идеалы некрасовцев³⁴.

В заключение видится важным отметить типологическое, если не сходство, то совпадение мотивов, связываемых с обретением земли Израиля. Обусловлено это, в русской народной традиции, поиском мест, свободных от несправедливости, угнетения и нищеты. Нет в данном случае обетования Всевышним, нет зова, призыва и воли с Его стороны, есть устремление и желание там оказаться, воля со стороны человека. Можно выделить в данной связи три группы повествований (о текстах не приходится говорить, поскольку традиция эта устная, записанная от знающих в пересказах). Первую составляют такие, в которых представлено, более или менее

²⁹ Ф.В. Тумилевич, *Сказки и предания казаков-некрасовцев...*, с. 179.

³⁰ Там же, с. 197.

³¹ Там же, с. 153, 154.

³² Там же, с. 187.

³³ Там же, с. 190, 191, 192.

³⁴ К.В. Чистов, *Русская народная утопия...*, с. 222–223.

разносторонне, само это место, сама земля, с акцентом на изобилие, доступность съестного (молочные реки, кисельные берега), различного рода снеди и пр. — земля благодати, беспечности и простоты. К этой группе относятся *Сказание о роскошном житие и веселье* и волшебные сказки. Вторая группа представлена представлениями (не всегда это повествование) о блаженной и благодатной земле, которая где-то за морем, за лесами, горами, пустынями, путь к ней долог и труден, не каждый способен его одолеть, и при этом не каждому эта земля откроется, но только достойному, праведному, а попасть туда можно, только имея проводников. Такова, в первую очередь, легенда о Беловодье, примыкают к которой другие (без акцента на праведности³⁵, о далеких землях, реке Дарье, Анапе, новых островах, ореховой земле и им подобные. Третью группу можно увидеть на примере сказочного города Игната. Для нее характерно, помимо мотивов изобилия, плодов земли, размещения за пустыней, в безлюдном месте (народы), за «Пещаным морем», избранности и достоинства, справедливости, высокой морали и чистоты, наличие исключительного по своим качествам героя, соединяющего в себе черты обладателя и исполнителя воли, предводителя и проводника — основателя и дарителя, того, кто устанавливает законы и правит, справедливо судит, организуя общинную жизнь.

Библиография

- Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen*, Philipp Reclam jun. GmbH & Co, Stuttgart 1997.
- Библиотека литературы Древней Руси*, т. 16, XVII век, под. ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко, Наука, Санкт-Петербург 2010.
- Воронский А., *За живой и мертвой водой*, «Новый мир» 1928, № 12.
- И.Л. [И.Л. Лось], *Веселіе* // Энциклопедическій словарь, т. VI, Венцано – Винона, издатели: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ, Типо-Литографія И.А. Ефрона, С.-Петербургъ 1894.
- Криничная Н.А., *Русская мифология. Мир образов фольклора*, Академический Проект; Гаудеамус, Москва 2004.
- Мельниковъ П.И. (Андрей Печерскій), *Очерки поповщины*, ч. I // *Полное собрание сочинений*, т. XIII, изд. М.О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Москва 1898.
- Мельниковъ П.И., *Отчетъ о современномъ состояніи раскола по Нижегородской губерніи*, ч. I, 1854 года // Сборникъ въ память П.И. Мельникова (Андрея Печерскаго), т. IX, Изд. Нижегородской Архивной Комиссіи, Нижний-Новгород 1910.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах*, изд. подготовили Л.Г. Барга и Н.В. Новиков, Наука, т. I, Москва 1984, т. III, Москва 1985.

³⁵ Как соответствии земле в духовном отношении (необходимый уровень ментального состояния).

- Провинциальный корреспондент. Токмак (Семиреченской области), «Восточное обозрение»* 1888, 10 апр., № 14.
- Русские народные сказки казаков-некрасовцев*, собр. Ф.В. Тумилевичем, Рост. кн. изд-во, Ростов-на-Дону 1958.
- Словарь ключевых терминов для читающих Тору на иврите* (Рав Аарон Штейман), https://toldot.com/articles/articles_26809.html [дата обращения: 31.07.2025].
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград 1979.
- Толстая С.М., *Число // Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 5, отв. ред. С.М. Толстая, Международные отношения, Москва 2012.
- Топоров В.Н., *Числа // Мифы народов мира в 2 томах*, гл. ред. С.А. Токарев, Советская энциклопедия, Москва, т. 2, 1988.
- Тора (Пятикнижие Моисеево)*, ред. рус. перевода П. Гиль, под общей ред. Г. Брановера, Шамир, Иерусалим 5753, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1993.
- Тумилевич Ф.В., *Предания о городе Изната и их источники* (1963 г.), *Казаки-некрасовцы: язык, история, культура*, сборн. науч. статей, отв. ред. Г.Г. Матишов, Изд-во Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону 2012, с. 73–105.
- Тумилевич Ф.В., *Сказки и предания казаков-некрасовцев*, Рост. кн. изд-во, Ростов-на-Дону 1961.
- Чистов К.В., *Легенда о Беловодье*, «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. 35, *Вопросы литературы и народного творчества*, Петрозаводск 1962, с. 134–140.
- Чистов К.В., *Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд)*, «Дмитрий Буланин», Санкт-Петербург 2003, <https://avidreaders.ru/read-book/russkaya-narodnaya-utopiya-genezis-i-funkcii.html>, с. 227 [дата обращения: 31.07.2025].